

Вещественность формы капитала

[Дэви Думбадзе](#)

Рецензия на: INGO ELBE, Marx im Westen. Die neue Marx-Lektüre in der Bundesrepublik seit 1965. Berlin: Akademie Verlag, 2008. 643 S.

Маркса неустанно пытаются забыть. И так же неустанно – возродить. Или приглушить, погребая его под весом тысяч страниц о бесповоротно опровергнутой – "жизнью" или "обществом" – истории. Наконец, пытаются заставить его засветиться новым, всепоглощающим светом – как пророка "революционного субъекта", который неистовым волевым движением наконец "по-настоящему" берет историю в свои руки. Можно было бы привести множество примеров подобной решительно-окончательной рецепции Маркса на так называемом Востоке, т. е. в бывшем СССР. Чаще всего, однако, это всего лишь простая демонстрация какого-то плакатного Маркса: либо с легкостью возвращенного "на место", в исторический контекст устаревшей теории, якобы уместной лишь в отношении капитализма XIX века, либо, наоборот, гордо значащегося первым звеном в вековечно-величественной цепочке, которая продолжается именами Энгельса/Ленина/Сталина. Вопрос о том, почему этот застывший карикатурой образ Маркса принял именно такой облик, редко ставится вообще, как "буржуазными" и неомарксистскими, так и ортодоксальными советскими теоретиками. Но может оказаться и так, что работы Маркса сами содержат ответ о причинах непонимания и обеднения его критики политической экономии, втискиваемой в единый, монолитный образ. Уже одно это было бы веской причиной обратить внимание на проекты реконструкции, которые, в отличие от, например, попыток Юргена Хабермаса в 1960 – 70-х гг., не пересекают черты добросовестного прочтения, стремясь не переусердствовать в синтезе выделенных элементов на новом основании. Философ Инго Эльбе в своей новой книге "Маркс на Западе. Новое прочтение Маркса в ФРГ с 1965 года" предлагает обширную панораму именно таких "верных Марксу" реконструкций. Автор прилежно, шаг за шагом, очерчивает контуры той неоднородной совокупности работ, которая получила название "neue Marx-Lektüre" (новое прочтение Маркса)¹. То, что на деле в этих работах прочтение Маркса производится заново не только по факту, но и по содержанию, невозможно было бы показать, просто отослав к выдуманному лейблу. Эльбе проясняет связь тех методологических, теоретических и предметных контекстов, которые соединяются в самостоятельную и отличную от других парадигму, ограничиваясь при этом несколькими центральными пунктами в новой проработке Маркса, начатой в Западной Германии на волне студенческого движения XX века. Он излагает основные линии дебатов об основах теории стоимости, ее следствиях для теории государства и теории революции.

Эльбе не случайно берет за основу западногерманскую дискуссию. В европейском контексте именно здесь были наиболее последовательно проработаны центральные вопросы новой парадигмы; хотя это не означает, будто сходные типы анализа не были предложены в других странах. Напротив, автор показывает, что в процесс ее становления были включены и французский структуральный марксизм (Альтюссер, Рансьер), и диссидентный марксизм в Советском Союзе,.

Кроме того, становление и специфику нового прочтения Маркса невозможно понять без его самоограничения от двух других марксистских парадигм: с одной стороны, от

официального партийного, а позже и государственного, традиционного марксизма – "марксизма в единственном числе", с другой стороны от критических и диссидентных марксизмов, которые были объединены под названием "западного марксизма" (П. Андерсон).

Первый представляет собой сокращенное прочтение Маркса и исходит, согласно автору, из т. н. экзотерических слоев его работ. Второй, так же как и новая парадигма, ориентируется на т. н. эзотерические части. Продолжая линию традиционных парадигм национальной экономики, теории истории и философии, первый тип марксизма сам подвержен мистификациям капиталистического способа производства. Будучи продуктом систематизации и индоктринации, произведенной усилиями Энгельса, Каутского и других последователей, традиционный марксизм увенчивается легитимационной наукой марксизма-ленинизма. Получивший впоследствии статус "марксистского мировоззрения" для рабочего движения, он сооружается, прежде всего, на основе таких работ Энгельса, как "Анти-Дюринг", рецензий на марксовы "К критике политической экономии", "Дополнения к третьему тому Капитала" и других "справочниках любого классово сознательного рабочего" (Ленин). Согласно Эльбе, предлагая свое прочтение и прикрываясь Марксом как авторитетом, Энгельс скромно исчезает за ним, как позже Сталин исчезает за Лениным. "Марксизм – это, во многих отношениях, работа Энгельса, а потому, на самом деле, энгельсизм", – резюмирует он (с. 14).

Научный социализм создается как онтологическая система. Согласно ему, общественно-исторические процессы детерминированы так же, как и природные: "субъективная диалектика" – это просто отражение "объективной". В "Диалектике природы" Энгельс первым обосновывает наивный реализм, который захватывает его в плен овеществленной иллюзии – непосредственности того, что на самом деле социально опосредовано. Он поддается фетишизму экономических отношений как самостоятельных, тогда как у Маркса они реализуются через исторически-конкретное человеческое действие: капиталистический способ производства и его формы. Именно Энгельс создает основу для механицистского и фаталистического воззрения на историю, которое в результате приводит к представлению об автоматизме освобождения и предопределенности миссии пролетариата. Процессу, который разворачивается за спинами действующих лиц, здесь приписывается морально квалифицируемая цель. "Природа делает скачки, следовательно, их делает и история" – так Деборин и Сталин впоследствии "улучшают" государственную доктрину диамата, в котором политическая практика становится исполнением железных законов истории, а партия – высшим социальным технологом, их "сознательно применяющим" или "ускоряющим".

Как показывают дебаты в рамках нового прочтения Маркса, основная причина подобного искажения у Энгельса заключена в его концепции отражения (реальности в сознании), в духе которой он интерпретирует две первые и основополагающие главы "Капитала": последовательность формирования категорий "товар", "стоимость", "деньги", "капитал" становится простым "зеркальным отражением в абстрактной форме... исторического процесса". Редуцируя исторический материализм до вульгарного эмпиризма и историцизма, Энгельс обосновывает метод, получивший название логико-исторического, который позже укрепляется Каутским, Гильфердингом, Лениным и представлен не только в партийном марксизме-ленинизме, но и в неофициальном "западном марксизме" Эрнста

Манделя, или в современных работах по "философии практики" Вольфганга Фритца Хауга.

Помимо того, благодаря марксизму – как науке об объективных социальных закономерностях – анархическая, неконтролируемая при капитализме социальная необходимость, согласно Энгельсу, будет лишь планомерно управляться и сознательно использоваться при социализме. Итогом становится так называемая социалистическая политэкономия, которая характеризуется не исчезновением капиталистических формальных признаков, а всего лишь их альтернативным применением. В этой концепции зияет полное непонимание социальной формы, столь важной – как показывает новое прочтение – для марксовской критики буржуазной политической экономии. Она перенимает определение персональной классовой власти из докапиталистических социальных формаций и сводит анонимную, неперсональную форму классового господства, которая в капиталистическом обществе институционализируется в государстве (как общественной власти), к одной только идеологической иллюзии. Эта иллюзия интерпретируется в стиле теорий жреческого обмана – как продукт тактик маскировки. Более поздняя ортодоксия доводит до предела эту инструменталистскую перспективу, когда Ленин в "Государстве и революции" ошибочно определяет государство как "государство капиталистов", а не как "идеального всеобщего капиталиста", хотя государство защищает собственность частного производителя посредством права, осуществляя неперсональные отношения господства. В результате ленинизм, указывает Эльбе, не способен ответить на вопрос, впервые поставленный перед ним уже Евгением Пашуканисом (марксистским ученым, разрабатывающим новое советское право и расстрелянным в 1937 г.) почему аппарат государственной власти не создается как частный аппарат господствующего класса? Почему он отделяется от последнего и принимает форму неперсонального, независимого от общества аппарата общественной власти?

Работы Пашуканиса о значении формы права для современного капиталистического обобществления предварили дебаты о дедукции формы государства в рамках нового прочтения Маркса, которые проходили в 1970-х (с. 319 – 427). В "дебатах о дедукции" критиковались представления о государстве как простом инструменте в руках господствующего класса, который якобы можно так же просто использовать в "социалистических целях", придя к власти революционным или парламентским путем. Критика "выведения" формы государства из формы капитала также показала, что не все его функции возможно объяснить "логически". Необходим анализ конкретных структур государства (аппаратов) на историко-эмпирическом уровне. Такие попытки соединили новое прочтение Маркса с линией Грамши-Альтюссер-Пуланцас, которая, однако, сама сглаживает связь современного государства с формами стоимости, товара, денег и капитала.

Парадигма традиционного марксизма, к которой можно причислить таких авторов, как Бернштейн, Лафарг, Меринг из первого поколения, а также Троцкого, Люксембург, Бухарина из второго, оставалась практически неоспоримым способом прочтения Маркса вплоть до возникновения "западного марксизма" в начале 1920-х годов. Последний появляется в ответ на кризис рабочего движения после Первой мировой войны, развал Второго Интернационала вследствие политики "защиты родины", крах революций в Средней и Южной Европе, возникновение фашистских сил. Его первыми протагонистами становятся Георг Лукач и Карл Корш. В отличие от онтологизации исторического материализма как созерцательного мировоззрения, Лукач понимает марксистский подход как критически-революционную теорию общественной практики.

Сциентистскому дискурсу об объективных законах развития исторического прогресса здесь противопоставлена критика идеологии овеществленного сознания, расшифровка "второй природы" застывшего капиталистического способа производства как исторически специфической формы социальной практики и понимание революций как критического акта практической субъективности.

Образцовую критику стратегической установки на революцию в западном марксизме дает Антонио Грамши в своих "Тюремных тетрадах". В противовес этатизму Третьего Интернационала он выдвигает свою теорию гегемонии: гражданское общество представляет собой в западных социальных формациях ту лабиринтную структуру аппаратов, производящую способы мышления и действия, которая может создавать инерцию против любых широкомасштабных политических действий. Однако и Лукач, и Грамши еще остаются верными понятию революции, обоснованному исключительно с позиций пролетариата.

Лишь в рамках Франкфуртского Института социальных исследований, после принятия директорства Максом Хоркхаймером в 1931 году, впервые предпринимается попытка социально-психологического исследования структур влечения, на которых основано воспроизводство "неразумного" общества, в особенности в форме авторитарных и антисемитских настроений. К достигнутому здесь уровню рефлексии, по оценке Эльбе, не удалось подойти ни одному другому представителю западного марксизма. Франкфуртская школа отказывается от позитивной опоры на воображаемое классовое сознание пролетариата: "Наконец-то анализируется эмпирическое классовое сознание как единственно реальное и, при этом, учитывается иррациональное, эмоциональное измерение социальной практики. Теоретическое понимание безупрочности критической теории становится в то же самое время и признанием исторического процесса нарастающей непосредственности эмансипаторной теории и практики из революционной перспективы" (с. 27). Но несмотря на то, что эта парадигма марксизма является результатом интеллектуального развития, она также предстает формой узкой рецепции Маркса. Проблемы теории политики и государства не обсуждаются, теория стоимости рассматривается лишь выборочно, а в критике политической экономии доминирует "неявная ортодоксия" (Ю. Хабермас), – резюмирует автор.

Именно с учеников Хоркхаймера и Адорно, Бакхауза ("К диалектике формы стоимости", 1969) и Райхельта ("К логической структуре понятия капитала у Карла Маркса", 1970), начинаются первые дискуссии в рамках нового прочтения Маркса. К узкому кругу академических теоретиков и изданий, основывающих эту парадигму в середине 1960-х, Эльбе причисляет также Хайде Герстенбергер, с ее основополагающей книгой "Бессубъектная власть. Теория возникновения буржуазной государственной власти" (1990), Йоахима Хирша, разрабатывающего в дебатах о "дедукции государства" функциональные "промежуточные" категории между абстрактно-формальным и конкретно-эмпирическим уровнями анализа, Ельмара Альтфатера, автора книги "Проблемы государственного интервенционизма" (1972) и ряд других авторов из журналов "Prokla. Zeitschrift für kritische Sozialwissenschaft", "Sozialistische Politik", "Gesellschaft", "Leviathan" и "Mehrwert". В дебатах об адекватности диалектического способа изложения центральную роль играет Дитер Вольф, с первой же его книги "Товар и деньги" (1985), в критике теории стоимости – Михаэль Гейнрих, с образцовой работой "Наука о стоимости" (1999).

Парадигматическим корнем нового прочтения Маркса становится критика историцистского или эмпирического прочтения марксова анализа форм

капиталистического общества, традиционно используемого еще западным марксизмом, а также многими представителями неомарксизма. В утвердительном смысле это означает, что анализ принимает форму реконструкции критики политической экономии и ее импликаций в области теории государства и революции. Основные линии дебатов: отказ от субстанциализма в теории стоимости (т. е. рассмотрения стоимости как онтологической, внеисторической категории), от теории манипуляции и инструментализма в теории государства, от интерпретации марксовой критики политэкономии с опорой на одно лишь рабочее движение, т. е. на "онтологию труда", или даже на теорию революции как таковую. Таким образом, как это показывает Эльбе, новое прочтение Маркса начинает разрабатывать программу теории формы социального, которую ортодоксия в лучшем случае лишь прокламировала, но не могла реализовать собственными средствами.

Центральное значение, с точки зрения объекта критики политэкономии, имеет марксова теория товарного фетишизма. Одну из самых ранних и адекватных ее реконструкций предлагает уже в 1920-х годах советский экономист Исаак Рубин. Так же, как и Пашуканис, он – предшественник новой парадигмы, хотя его работы получили известность лишь в 1960-х годах. Рубин не только не занял место среди создателей официального канона марксизма-ленинизма: в 1930-х годах он был арестован, с целью принудительной дачи показаний против руководителя Института Маркса-Энгельса Давида Рязанова, а в 1937, также как и Пашуканис, был репрессирован.

Отличительная концептуальная черта нового прочтения Маркса, крайне проблематичная в других парадигмах – это акцент на вещественном опосредствовании общественных отношений в капиталистическом обществе.

Даже западный марксизм понимает капиталистическое опосредствования всего лишь как вещественно завуалированное межперсональное отношение. В противовес этому представители нового прочтения понимают капиталистические формы как вещественное опосредствование труда. Еще в своих "Очерках по теории стоимости Маркса" (1924) Исаак Рубин писал: "В товарном обществе вещь есть не только „таинственный общественный иероглиф“ ... не только „оболочка“, под которою скрыто общественное отношение людей. Вещь – посредник общественных отношений, и движение вещей неразрывно связано с установлением и реализацией производственных отношений людей... Движение вещей – поскольку они приобретают особые общественные свойства стоимости, денег и т. п. – не только выражает производственное отношение людей, но и создает его".

Как пишет Эльбе, излагая результаты нового прочтения Маркса в этой области, коварный характер капиталистических форм состоит не в том, что они представляются овеществленными отношениями, которые на самом деле суть отношения человеческие; а в том, что капитализм предоставляет "индивидам объективацию их общественной связи... в фетишизированном и овеществленном виде" (Райхельт). Иными словами, уже простое существование капиталистических форм воздвигает внутренние барьеры на пути человеческого выбора и свободы действия, поскольку представляется не поддающимся изменению со стороны самих людей (с. 598), природными условиями человеческого общежития и "справедливыми" формами их отношений. Это помогает объяснить и то, почему и рабочий класс принимает капиталистические формы как природные. Дебатам о революции и представлениях рабочего класса посвящена последняя глава, "Кризис теории революции" (с. 444 – 546).

Многие десятилетия и официальный партийно-государственный марксизм, и антикоммунизм выдвигали претензии на монопольную гегемонию в понимании Маркса. Новое прочтение не столько выводит на поверхность "настоящего Маркса", сколько помогает увидеть: во многих отношениях критика политической экономии самого Маркса актуальнее, чем это представляют его привычные "решительные" и "окончательные" изложения.